

По дороге к вокзалу в душном салоне такси Лянь Цзяньюэ и его спутники прикидывали, как сподручнее добраться из Вэньчжоу до Каменной деревни. Фэн Сювэй бесцеремонно усадил Цюй Цзючуаня рядом с собой на заднее сиденье. Тот вжался в дверь, стараясь держаться хотя бы в полуметре от соседа, и робко подал голос:

— Я тут вспомнил... Из Вэньчжоу есть прямой поезд до Лояна.

Цюй Цзючуань заглянул Фэн Сювэю в лицо и с заискивающей улыбкой добавил:

— Брат Фэн, вернешь телефон? Я расписание гляну.

Фэн Сювэй выудил из кармана мобильник и небрежно бросил ему на колени. Цюй Цзючуань схватил трубку, но тут же взвыл:

— Сдох! Батарея в ноль! Всё, я умываю руки, идей больше нет.

Фэн Сювэй проверил маршрут по своему телефону. Прямой поезд действительно был, но отправлялся только в девять утра следующего дня.

— Девять утра, — протянул Фэн Сювэй, недовольно цыкнув. — Пока доедем, уже вечер наступит. Нет, слишком долго. Мы теряем время.

Фэн Сювэй был человеком порывистым, не привыкшим ждать, да и Лянь Цзяньюэ опасался, что промедление выйдет им боком. Посоветовавшись, они решили нанять машину до Шанхая, а оттуда вылететь в Лоян утренним рейсом около восьми часов. Фэн Сювэй взял на себя все хлопоты: быстро созвонился с кем-то, арендовал просторный минивэн, который забрал их неподалеку от Южного вокзала Вэньчжоу, и они взяли курс на шанхайский аэропорт Хунцяо.

В минивэне Фэн Сювэй демонстративно пересел на самый дальний ряд. Цюй Цзючуань устроился посередине, бок о бок с Лянь Цзяньюэ, и сразу же выпросил у водителя кабель для зарядки.

Дорога была гладкой, ночной тракт — пустым и спокойным. Машина шла ровно, убаюкивающе покачиваясь. Накатила усталость. Лянь Цзяньюэ зевнул, плотнее закутался в куртку и прислонился виском к прохладному стеклу, намереваясь вздремнуть. Но не успел он даже прикрыть глаза, как сиденье резко содрогнулось от сильного пинка сзади. Цзяньюэ так и подбросило, он выпрямился как струна. Из темноты за его спиной донесся ядовитый голос Фэн Сювэя:

— Нажил себе врагов среди каких-то величин, хрен знает во что вляпался, а дрыхнет без задних ног! Ленивая скотина — то в туалет ему, то спать. Бездельники только жрать да дрыхнуть горазды!

Цюй Цзючуань, который тоже почти заснул, от этого окрика мгновенно взбодрился. По лбу у него проступила испарина. Он, точь-в-точь как Лянь Цзяньюэ, выпрямил спину и вытаращил глаза в темноту салона, боясь даже сморгнуть.

Цзяньюэ тихо сказал ему:

— Поспи. Он только на меня злится. Когда приедем в аэропорт, так удобно устроиться уже не получится.

Фэн Сювэй тут же вставил свои пять копеек, сочась сарказмом:

— О себе бы лучше подумал, заботливый ты наш. После таких бурных походов не мешает силами запастись, а то из машины вылезешь — и коленки затрясутся.

Цзяньюэ подпер подбородок рукой и промолчал, лишь тихонько зевнул, прикрыв рот ладонью. Цюй Цзючуань осторожно, едва слышно прошептал ему на ухо:

— Брат, как думаешь, мне надо отдать ему долю за машину и билет?

— Тебя притащили в Вэньчжоу ни за что, — так же тихо ответил Цзяньюэ. — Теперь он понял, что ты к гибели его мастера непричастен. По-хорошему, он обязан вернуть тебя в Каменную деревню за свой счет. Так что ничего не давай.

Цюй Цзючуань согласно кивнул, но тут же засомневался:

— А он не взбесится? Этот парень как пороховая бочка, никогда не знаешь, от какой искры полыхнет...

Не успел он договорить, как оба сиденья снова ощутимо трянуло. Голос Фэн Сювэя за спиной поднялся на октаву:

— Это кого вы тут бочкой назвали? И раз уж заговорили... я чуть не забыл!

В зазоре между креслами появилась изящная ладонь, красноречиво потирая пальцами в жест выбивания долгов.

— Ему платить не надо, согласен. А ты, Лянь Цзяньюэ? Ты-то как планируешь возвращать мне долг за колеса и перелет?

Лянь Цзяньюэ полез за бумажником, прикидывая, сколько у него осталось наличных. Фэн Сювэй презрительно фыркнул:

— Да ладно, брось. Смотреть тошно на твою нищету. Снял номер в отеле меньше чем на час и сразу сдал обратно — небось сердце кровью обливалось от такой растраты. Если я с тебя еще и за дорогу сдержу, ты при встрече с похитителем реликвий сам под его удар бросишься, лишь бы долги не отдавать.

Цюй Цзючуань неожиданно вступился за спутника:

— Брат Фэн, я не знаю, какая между вами черная кошка пробежала, но ты палку-то не перегибай. Брат Лянь не такой. Да, он прижимистый, не спорю. Я его отца помогал хоронить, спину рвал, пеплом чуть не задохнулся, а он со мной завтрак за тридцать юаней пополам разделил. Но за работу-то заплатил честно, до копейки!

Цюй Цзючуань говорил это с самым серьезным видом. Лянь Цзяньюэ не знал, смеяться ему или плакать, а Фэн Сюээй и вовсе прыснул со смеху:

— Пополам за тридцать юаней? Да у него просто приступ щедрости случился! Этот скред удавится за копейку. Небось и трахаться в общественном сортире предпочитает, лишь бы на отель не тратиться, да еще и презервативы у других кланчит!

У Цюй Цзючуаня от таких откровений уши запылали. Он покосился на водителя, шумно прокашлялся и бросил на Лянь Цзяньюэ многозначительный взгляд, дескать, «сам выпутывайся», после чего окончательно умолк.

Лянь Цзяньюэ выгреб из кошелька все купюры до единой, обернулся и протянул их Фэн Сюэю:

— У тебя есть ручка с бумагой? Я напишу расписку. Пересчитай, я остался должен еще триста пятьдесят юаней, верно?

Фэн Сюээй, сидевший в полумраке заднего сиденья, выхватил деньги и фыркнул:

— Обойдусь без твоей писанины. От твоих каракулей в моем кармане через пару дней за версту несло бы тухлятиной.

Цзяньюэ сквозь щель между сиденьями всматривался в полумрак. Лица Фэн Сюэя он толком не видел, но продолжал упорно смотреть.

— Хорошо, — негромко произнес он. — Я запомню сумму. И обязательно верну.

В темноте показалось, что Фэн Сюээй растерянно моргнул — в его глазах на мгновение отразился слабый отсвет уличных фонарей. Он приоткрыл рот, собираясь что-то ответить, но в этот момент в его кармане ожил мобильный телефон.

Фэн Сюэй принял вызов, помолчал, слушая собеседника, и заговорил:

— Мастер Сяо, я не в Пекине. Напал на след, сейчас едем в Хэнань.

Он немного помолчал и добавил:

— Да, говорите. Со мной друзья, которые помогают в этом деле, пускай тоже послушают.

С этими словами он протянул руку вперед и включил громкую связь.

Цюй Цзючуань тут же подался назад, прижимая ухо ближе к динамику. Лянь Цзяньюэ тоже склонил голову, глядя на экран телефона. Из динамика донесся хриловатый, с легкой хрипотцой пожилого курильщика, мужской голос:

— Если говорить о Лянь Уцзэне, то сначала придется вспомнить человека по прозвищу Мастер Небытие. Лет семьдесят назад в Сучжоу жил один хозяин бродячей цирковой труппы по имени Чжао Дафу. И нанял он к себе фокусника. Тот парень утверждал, что попал в какую-то беду и начисто забыл, кто он, откуда и как его зовут. Но у него был редкий дар: он мог заставить исчезнуть прямо на глазах зрителей все что угодно — еду, вещи, скотину, даже живого человека. За это его и прозвали Ую — Небытие. Со временем он прижился в труппе, заматерел, заслужил уважение, и его стали уважительно величать Мастером Небытие.

— И вот как-то раз труппа Чжао Дафу приехала с представлениями в Янчжоу. В первый же вечер после выступления за кулисы завалился даос. На нем был ярко-желтый халат, на спине огромными буквами выведено: «Истинный ученик Небесного наставника Чжана», а на поясе болтался угольно-черный меч. Этот даос с порога потребовал позвать Мастера Небытие. Когда тот вышел, даос расхохотался на весь балаган: «Сколько лет я топтал сапоги в поисках, а ты сам пришел мне в руки! Ах ты, проклятый меч-демон! Клинок отделился от ножен и вверг Поднебесную в смуту. А ну живо ступай со мной, вернем тебя на место, и в мире снова воцарится покой!»

Услышав это, Цюй Цзючуань испуганно прикрыл рот ладонью, покосился на водителя и зашептал:

— Слушай, а ничего, что посторонний человек все это слушает?

— Не переживай, — отозвался Фэн Сюэй. — Кто поверит в такую чушь? Решит, что мы радиоспектакль слушаем.

Из телефона послышался недовольный окрик Сяо Толо:

— Эй, не перебивайте! На чем я остановился?

— Мастер Сяо, на том, как даос собирался вернуть клинок в ножны, — подсказал Лянь Цзяньюэ.

Старик на том конце провода удивленно хмыкнул и благодушно рассмеялся:

— А-Юэ? Так ты, значит, вместе с Сяо Фэнцзы?

Фэн Сювэй испуганно дернулся, выключил громкую связь и прижал телефон к уху, но голос Сяо Толо был настолько зычным, что его слова все равно доносились до спутников:

— Ну и слава богу! А то я места себе не находил, думал, этот сорвиголова опять куда-нибудь вляпается по глупости. Раз ты с ним, мне спокойнее. Присмотри за ним, он тебя слушается.

— Мастер Сяо! — раздраженно выкрикнул Фэн Сювэй, чувствуя, как краснеет. — Какое отношение этот ваш Мастер Небытие имеет к Лянь Уцзэну?! Давайте ближе к делу, без этих ваших бак!

С этими словами он нехотя вернул телефон на громкую связь.

Цюй Цзючуань нетерпеливо заерзал на месте:

— Давай, включай скорее, на самом интересном месте прервали!

Голос Сяо Толо зазвучал вновь:

— В общем, циркачи решили, что даос просто умом тронулся. Чжао Дафу уже собирался вышвырнуть сумасшедшего взащей, как вдруг тот выхватил свой черный меч и с криком бросился на Мастера Небытие. Поднялся страшный переполох, а когда клинок опустился на фокусника, оба они — и даос, и Мастер Небытие — вдруг обратились в густой черный туман, взмыли к потолку и растаяли в воздухе.

— Семьдесят лет назад... — задумчиво протянул Фэн Сювэй. — Это ведь времена войны с японцами были?

— Они самые, — подтвердил Сяо Толо. — Прошло еще лет десять, уже после освобождения. Труппа Чжао Дафу давно распалась, сам он пережил лихолетье и мирно рыбачил в окрестностях Чжанцзягана. И вот однажды возвращается он с уловом домой, а у его калитки стоит высокий, худощавый мужчина в черном одеянии. Чжао Дафу сразу его узнал — это был Мастер Небытие. Годы словно не коснулись его лица, он ни капли не постарел. Только на правой руке не хватало мизинца. Рядом с ним стоял мальчонка лет четырех-пяти. Мастер спросил, не собирается ли Чжао снова открывать балаган и не нужны ли актеры. Чжао Дафу перепугался до смерти, да и староват уже был для кочевой жизни, поэтому вежливо отказался. Мастер Небытие не стал настаивать, забрал ребенка и ушел.

— Мальчишку звали У Цзантун.

— Кое-кто из старых цирковых приятелей Чжао Дафу позже рассказывал, что видел их. Мастер Небытие со своим названным сыном кочевали по северным провинциям, выступали то в театрах, то на ярмарках. Люди судачили, что мальчишка — родной сын мастера, больно уж ловок был, да и сам Ую этого не отрицал.

— А потом один акробат проболтался, что во Внутренней Монголии Мастер Небытие взял еще одного ученика. Паренек оказался невероятно талантливым, освоил трюк с исчезновением даже лучше, чем собственный сын мастера. Ую души в нем не чаял и дал ему имя. Мальчик был сиротой, мастер пожалел его, потому и фамилию дал Лянь — «жалость». Слух у пацана был феноменальный, в труппе его звали — «Ухо, слышащее за тысячу ли». А настоящее имя ему дали — Лянь Уцзэн. Когда фокусники спрашивали Ую, к чему такое странное, тяжелое имя — «Уцзэн» значит «не ненавижу меня», — старик только вздыхал: «Я приютил этого сироту и научил его ремеслу. Но видит бог, я не знаю, спасет его это умение или погубит. Молю лишь об одном — чтобы на исходе дней он не возненавидел меня за этот дар».

— Станный он какой-то, — недоверчиво хмыкнул Фэн Сювэй. — Сам спас сироту, вырастил, ремесло дал, с чего бы тому его ненавидеть?

— Лянь Уцзэн как-то обмолвился, — негромко вступил в разговор Лянь Цзяньюэ, — что его боевое искусство таит в себе страшное проклятие. Те, кто практикует его, редко доживают до тридцати лет.

— Но Лао Лянь-то дотянул до шестидесяти! — удивился Цюй Цзючуань.

— Это еще не вся история, — прервал их Сяо Толо.

В салоне снова воцарилась тишина. Все затаили дыхание.

— В общем, под крылом у Мастера Небытие оказались двое: родной сын У Цзантун и младший ученик Лянь Уцзэн. Вместе с очередной труппой они уехали в Синьцзян. И вот там, как вспоминали очевидцы, вечно молодой Мастер Небытие вдруг постарел буквально за одну ночь. Волосы побелели, тело усохло, лицо покрылось глубокими морщинами — казалось, он вот-вот испустит дух. Перепуганные ученики не отходили от его постели. Так они и остались в Синьцзяне.

— Чжао Дафу к тому времени совсем одряхлел, старые связи оборвались, и вестей от них долго не было. А много лет спустя поползли слухи, что в поднебесном мире объявились два смертоносных убийцы. Один разил врагов Дротиками призрачного огня. Стоило такому снаряду задеть человека, как тот вспыхивал изнутри — этот огонь нельзя было затушить ни водой, ни землей. Пламя пожирало несчастного до костей и гасло только тогда, когда от тела оставалась лишь горсть пепла. Второй убийца действовал исключительно под покровом ночи. Он владел невероятной техникой легкости, а его приемов никто не видел, потому что выживших не оставалось. Их находили с разорванными внутренностями, переломанными

костями и кровью, сочащейся из всех семи отверстий на лице.

— Старики поговаривали, что метатель призрачного огня — это сын мастера, У Цзантун, а ночной призрак — его любимый ученик Лянь Уцзэн. Оказывается, этот Мастер Небытие принадлежал к древнему клану тайных убийц, основанному еще в эпоху Весен и Осеней. Главным их сокровищем была техника под названием Семь Священных Реликвий. И когда глава ордена увядал, он передавал эту тайну преемнику. Но около тридцати лет назад оба они — и У Цзантун, и Лянь Уцзэн — бесследно исчезли. Сам я их никогда не встречал, все это лишь рассказы старых мастеров нашей театральной гильдии. Больше мне добавить нечего.

— Теперь все сходится, — глухо произнес Фэн Сюэй. — Семь Священных Реликвий — это не просто свиток с приемами. Скорее всего, это какое-то редчайшее снадобье, дарующее невероятную силу. Оно остается в теле мастера до самой смерти, и получить его можно, только если сжечь труп. Моего учителя убил У Цзантун. Тот огонь, который я видел, в точности похож на описание призрачного пламени. Ему нужны были эти реликвии, чтобы вернуть былую мощь.

— Мать моя женщина... — пробормотал потрясенный Цюй Цзючуань. — Что же это за чудо-таблетки такие? Эликсир бессмертия от самого Лао-цзы? Огонь их не берет, да еще и силу дают? Выходит, этот У Цзантун при жизни Лао Ляня сунуться не смел, раз столько лет ждал его кончины?

Лянь Цзяньюэ покачал головой и повернулся к Цюй Цзючуаню:

— Ты ведь видел Лянь Уцзэна перед смертью. Каким он тебе показался?

Цюй Цзючуань поскреб подбородок, подбирая слова:

— Если честно... Было ощущение, что из него ушли все жизненные силы. Словно он доживал последние дни на голом упрямстве.

Он с любопытством уставился на Цзяньюэ:

— Неужели старик вообще ничего не рассказывал тебе про У Цзантуна? Или про Мастера Небытие? Ты никогда не спрашивал, откуда у него эти шрамы и сила? Не интересовался, есть ли у него родня, которой нужно сообщить о его болезни?

Цзяньюэ молча покачал головой. Он действительно ничего не знал о прошлом Лянь Уцзэна. Да и, признаться, никогда не испытывал желания лезть к нему в душу.

— Лянь Цзяньюэ, ты же его сын! — в сердцах воскликнул Фэн Сюэй. — Чего ни коснись — ты ни сном ни духом! Никакого толку от тебя!

Из трубки снова раздался серьезный голос Сяо Толо:

— Я продолжу наводить справки об этих двоих. Но если вы действительно столкнетесь с У Цзантуном — заклинаю вас, не лезьте на рожон! Не губите свои жизни ради мести. Слышишь меня, Фэн Сювэй? Твой Ю-второй на том свете не обрадуется, если ты сложишь голову во цвете лет.

— Берегите себя, мастер Сяо. Уже поздно, отдыхайте, — ответил Фэн Сювэй и нажал кнопку отбоя.

Он убрал телефон в карман и откинулся на спинку сиденья, погрузившись в молчание.

Цюй Цзючуань бросил взгляд на экран своего мобильного — батарея зарядилась наполовину. Он включил аппарат и тут же легонько толкнул Лянь Цзяньюэ локтем:

— Брат, тут сообщение от хозяина лавки.

Он быстро прочитал текст вслух:

— «Сяо Цюй, те три посылки, что ты отправлял на возврат, уже едут обратно. Завтра к полудню должны доставить. Курьер А-Мин сразу узнал твой адрес, пытался дозвониться, но ты был недоступен, так что он везет их прямо ко мне в магазин. Завтра загляни, заberi».

Сердце Лянь Цзяньюэ тревожно сжалось.

— Нам нужно спешить, — взволнованно произнес он. — Если этот У Цзантун охотится за реликвиями и умеет их отслеживать, жизнь лавочника в смертельной опасности.

Цюй Цзючуань согласно кивнул. Больше они не проронили ни слова, раздавленные тяжелым грузом тайн, которые приоткрыл им Сяо Толо. В гнетущем молчании минивэн докатил до шанхайского аэропорта Хунцяо.

Пройдя зону досмотра, Фэн Сювэй отошел в уборную. Воспользовавшись моментом, Лянь Цзяньюэ негромко спросил Цюй Цзючуаня:

— Ты ведь не рассказал ему о том, что произошло в Храме Разрешения Мирских Уз?

Цюй Цзючуань замахал руками так неистово, словно отгонял рой ос:

— Да ты что! Я рта раскрыть не смел. Боялся, он решит, что я ему сказки сочиняю, и запрет своим бичом до полусмерти.

Цзяньюэ понимающе кивнул:

— Я так и думал. Пусть лучше сам все увидит, когда доберемся до Каменной деревни.

— Тот монах... — Цюй Цзючуань на мгновение задумался. — Он ведь чертовски силен. С ним ведь ничего не случится? Может, он сможет одолеть этого У Цзантуня?

— Силе всегда найдется еще большая сила, — тихо вздохнул Цзяньюэ.

Цюй Цзючуань перевел взгляд в сторону туалетов и с любопытством спросил:

— Послушай, а этот Фэн Сюэяй... он вообще кто такой? Из каких будет?

Цзяньюэ тоже посмотрел туда. Фэн Сюэяй перехватили три молодые девушки — они взволнованно щебетали, а он с привычной грацией расписывался на каких-то листочках.

— Он лидер театральной труппы «Гнездо Феникса», — пояснил Лянь Цзяньюэ. — Недавно участвовал в популярном телешоу о традиционном искусстве, так что теперь его многие знают в лицо.

— С такой-то внешностью он, небось, женские роли играет? — хмыкнул Цюй Цзючуань. — Нежную девицу или воительницу с саблями?

Лянь Цзяньюэ невольно улыбнулся:

— Его наставник, Сяо Толо, спал и видел его в этих амплуа. Но Сюэяй возненавидел женские роли с первого дня. Как-то раз мастер заставил его играть свирепую дьяволицу в пьесе «Фонарь Девяти Лотосов», где его должен был побить Сунь Укун. Так этот паршивец прямо на сцене отделал исполнителя роли Царя Обезьян, отобрал у него бутафорский посох, крутанул сальто и заявил зрителям: «Это облако теперь мое! С какой стати я должен кланяться всякому рогатому скоту? Хватит с меня этой комедии, я ухожу на вольные хлеба!»

Цюй Цзючуань прыснул со смеху:

— Ты видел это представление?

— Мы с учителем иногда спускались с гор, когда их труппа давала спектакли поблизости, — ответил Цзяньюэ. — Сяо Толо дружил с моим наставником, они жили неподалеку. Учитель частенько помогал им чинить оружие и бутафорию, а Сяо Толо в благодарность привозил Фэн Сюэяй погостить у нас на вершине.

В этот момент к ним подошел вернувшийся Фэн Сювэй. Объявили посадку. В самолете им достался один ряд на троих: Фэн Сювэй устроился у иллюминатора, Цюй Цзючуань сел посередине, а Лянь Цзяньюэ занял место у прохода. Едва устроившись в кресле, Фэн Сювэй попросил у бортпроводницы ручку и чистый лист бумаги. Надвинув козырек кепки на самые глаза, он сосредоточенно принялся что-то писать на откидном столике.

Цюй Цзючуань осторожно покосился на соседа, а затем незаметно толкнул Лянь Цзяньюэ, беззвучно артикулируя одними губами: «Да ладно, быть не может...»

Цзяньюэ скользнул взглядом по листку. Рука Фэн Сювэя лежала на бумаге, но из-под его ладони отчетливо виднелся заголовок, выведенный размашистым почерком: «Завещание».

Словно почувствовав их взгляды, Фэн Сювэй произнес, не поднимая головы:

— Если моего мастера действительно убил У Цзантун, то с его умениями... из этой поездки я вряд ли вернусь живым.

— Брат Фэн, погоди, — испуганно зашептал Цюй Цзючуань. — Мы же договаривались! Мое дело — просто помочь тебе его найти, и только!

— Я говорю про себя, — холодно отрезал Фэн Сювэй. — Твое имя я разве упоминал?

Он аккуратно вывел последнюю строчку, сложил лист вчетверо и протянул его Цюй Цзючуаню.

— Сохрани это, — серьезно произнес он. — Если со мной что-то случится, передашь мастеру Сяо в «Гнездо Феникса». Родни у меня нет, так что пусть он займется похоронами.

У Цюй Цзючуаня внезапно заблестели глаза. Он судорожно сглотнул, прижал кулак к ладони в почтительном жесте и горячо выдохнул:

— Брат Фэн, ты настоящий мужик! Иди и отомсти за мастера. Обещаю тебе: если случится непоправимое, я устрою тебе такие похороны — закачаешься! Все по высшему разряду сделаю, комар носа не подточит!

Он тут же подозвал стюардессу, попросил два стакана апельсинового сока и молча чокнулся с Фэн Сювэем.

Лянь Цзяньюэ, сидевший рядом, тихо произнес:

— Может, когда приедем в Бэйсянь, первым делом обратимся в полицию?

Фэн Сюээй лишь раздраженно закатил глаза и отвернулся к окну. Цюй Цзючуань сокрушенно покачал головой и коснулся плеча Цзяньюэ:

— Брат, ты же сам говорил, что полиция брату Фэну не указ. А если верить рассказам, этот У Цзантун еще опаснее. Ну и чем тут помогут копы? Только под пули их подставим.

Лянь Цзяньюэ промолчал. Он и сам прекрасно понимал всю нелепость своего предложения. Обычные полицейские были бессильны против мастеров такого уровня. Но в его душе росло тяжелое чувство вины. Мысль о том, что вся эта кровавая сумятица закрутилась исключительно из-за него и реликвий его покойного отца, не давала покоя. Он злился на собственную слабость, на то, что природа обделила его крепким здоровьем и он ни черта не смыслит в боевых искусствах.

До самого конца полета Лянь Цзяньюэ не проронил ни слова, избегая встреч взглядом с Фэн Сюэем. По мере того как они приближались к цели, в его душе крепла холодная, непоколебимая решимость.

«Если судьба сведет нас с У Цзантуном лицом к лицу, я брошусь под удар первым. Выиграю для Сюэя хоть несколько секунд, заставлю этого ублюдка раскрыться... А если удастся забрать его с собой в могилу — что ж, так тому и быть. По крайней мере, искуплю смерть его наставника»

Эта мысль принесла ему странное, почти безмятежное облегчение. Он слишком долго бежал от теней прошлого, и теперь пришло время платить по счетам. Смерть больше не пугала его — она казалась единственным логичным исходом долгого, бессмысленного скитания.

Под ровный, убаюкивающий гул турбин Цзяньюэ наконец погрузился в зыбкий, тревожный сон. Ему снились клубы угольно-черного тумана и багровые сполохи призрачного пламени, но на душе впервые за долгие годы царил покой. Назад дороги не было, и это знание даровало свободу.

Шасси самолета с глухим ударом коснулись посадочной полосы. Они прибыли в Лоян.

Выйдя из терминала, путники шагнули навстречу бодрящей утренней прохладе. Впереди их ждала неизведанная дорога к Каменной деревне, где в тени старого храма уже затаился их худший кошмар. Но теперь страха не осталось. Впереди их ждал финал этой долгой драмы — и они были готовы принять любой ее исход.

<http://bllate.org/book/19697/1996238>